

УДК 070.4

МЕМУАРЫ КАК ВИД ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Ю.Н. Мажарина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 сентября 2011 года

Аннотация: В статье выявляются и описываются содержательные и структурно-организующие признаки, позволяющие считать мемуары самостоятельным публицистическим жанром. Будучи составной частью эпистолярного творчества, мемуары изначально включены в систему массовой коммуникации и занимают пограничное положение между деловыми документами, историческими исследованиями с одной стороны и художественными произведениями с другой. Опора на реальные факты, достоверность, имиджевость, диалогичность, возникновение в границах определённого социально-исторического контекста – существенные особенности мемуаров, позволяющие вывести их за границы художественной литературы и ввести в пределы публицистики.

Ключевые слова: мемуары, эпистолярное творчество, публицистика, документализм, ретроспективность, фактологичность, историчность, многоуровневость, имиджевый текст, авторское «Я», диалогичность.

Abstract: The author reveals and describes the features concerning the content and structural organisation and making it possible to regard memoirs as an independent publicistic genre. Memoirs, being a part of epistolary style, are included in the system of mass communication from the very beginning and take an intermediate position between the commercial papers, historical records, on the one hand, and fiction, on the other. Resort to the established facts, authenticity, form of a dialogue, appearance within a definite social and historical context – all these are essential features of memoirs, enabling them to exceed the limits of fiction and become a part of the publicistic style.

Key words: memoirs, epistolary style, publicistic style, documentary, retrospective, factual, historicity, multilevel, image text, author's «ego», dialogic.

«Человеку по-настоящему интересен только другой человек», – заметил как-то Паскаль [1]. Возможно, именно поэтому интерес к мемуарной литературе не угасает на протяжении нескольких столетий. Мемуарные волны с неухающей силой накатывают на полки библиотек и книжных магазинов.

Определить своё место в прошлом и настоящем, осмыслить прожитую жизнь, зафиксировать её в письменной форме и передать свой опыт потомкам во все времена стремились те, кто осознавал себя как личность. Человеку всегда было присуще желание остановить, а точнее восстановить время и себя в нём. Меняющийся на глазах окружающий мир, уходящие в небытие с

молниеносной скоростью и порой вопреки здравому смыслу привычные устои, нормы, ценности – все эти сдвиги пробуждали у человека потребность в самоидентификации. Мемуары позволяют максимально полно реализовать эту интенцию.

Жанровая специфика мемуаристики, её содержательно-формальные признаки, художественно-публицистические ресурсы, используемые авторами мемуарных текстов, на протяжении многих лет остаются предметом внимания литературоведов. Теория мемуарного жанра хранит немало лакун. Место мемуаров в ряду других литературных жанров вызывает споры.

Будучи составной частью эпистолярного творчества, тесно контактируя с такими его разновидностями: письмо, дневник, автобиография, мемуары изначально включены в систему массо-

вого потребления. Повествование об интимной стороне жизни человека, о его индивидуальной, неповторимой судьбе, желание самовыразиться, самоотчитаться перед собой сопрягается в мемуарах со стремлением найти сочувственно настроенную или, по крайней мере, заинтересованную широкую читательскую аудиторию и дать ей повод для сопоставления, для размышления.

В авторском предисловии к своим воспоминаниям Юрий Нагибин задаётся вопросом: «Кому нужны мои записки с их отдалённостью от столбовой дороги нашей сияющей жизни? С их нытьём, слезами, злостью, иногда радостью, с их удивлением перед бытием, с их самокопанием?». И тут же сам на него отвечает: «За пятьдесят пять лет профессиональной писательской работы я приобрёл читателей, оставшихся мне верными и в наше неблагоприятное для литературы время. Значит, этим читателям я нужен, и вполне естественно, что им захочется увидеть подлинное лицо автора, остающееся в тени беллетристических ухищрений. Появились у меня и новые читатели, им тем паче интересен будет незнакомый автор. Можно не сомневаться, что «Дневник» найдёт спрос на книжном рынке» [2, 8].

Мемуары — это не просто подведение итогов наедине с собой и оглашение результатов окружающим, это актуальный диалог с широкой аудиторией. Возникая всегда ко времени, в границах определённого социально-исторического контекста, мемуары, как и любой публицистический текст, опираются на реальные факты.

Документальность для мемуариста — неизменное требование. Опора на факт — существенная особенность мемуаров, позволяющая вывести их за границы художественной литературы и ввести в пределы публицистики.

Юрий Тынянов как-то воскликнул: «Там, где кончается документ, я начинаю!» [3]. Мемуарист себе подобной фразы позволить не может.

Даже избирая асинхронную структуру повествования, наполняя свой текст наряду с фактами реальной действительности элементами художественного письма: прогнозами, предположениями, домыслами — мемуарист не позволяет себе выходить за границы своей судьбы. Логика сюжетостроения в мемуарах ограничена пределами и масштабами тех событий, которые являются частью биографии автора. Он либо принимал в них непосредственное участие, либо лично наблюдал. Как и в публицистическом тексте в мемуарах мы имеем дело с биографическим автором, то есть реальным субъектом высказывания, а не абстрактным повествователем, рождённым авторской фантазией.

Мемуары — это тексты обыденного сознания. Они отражают «всю совокупность представлений

людей, формирующихся в процессе их повседневной обыденной жизни и практики» [4]. Разумеется, степень отражения черт обыденного сознания неодинакова в различных формах мемуарной литературы. Она зависит от индивидуальных черт и общей образованности автора, от его культурного кругозора, профессии, задач, которые он ставит перед собой, приступая к работе в мемуарном жанре.

Таким образом, можно сделать вывод, что мемуары — публицистический жанр, предметом исследования в котором выступает личность автора, повествующего об индивидуальной неповторимости фактов, лиц, событий, явлений, за которыми раскрываются общие жизненные закономерности.

В этом жанре активно пишут не только литераторы (И. Бунин «Воспоминания»; Б. Зайцев «Москва», «Далёкое», «Братья писатели», «Дни»; А. Амфитеатров «Жизнь человека, неудобного для себя и для многих»; К. Симонов «Глазами человека моего поколения»; В. Катаев «Почти дневник»). Замечательные образцы этого жанра оставляют артисты (В. Нижинский «Дневник»; А. Демидова «В глубине зеркал»; Н. Мордюкова «Записки актрисы»), художники (Ю. Анненков «Дневник моих встреч»; И. Репин «Далёкое близкое»; С. Дали «Дневник одного гения»), учёные (Ю. Лотман «Воспитание души»; А. Сахаров «Воспоминания»), генералы (Н. Врангель «Воспоминания»; Г. Жуков «Воспоминания и размышления»; Г. Трошев «Моя война»), политики (Николай II «Дневник»; А. Керенский «Моя жизнь в подполье»; Я. Глинка «Одиннадцать лет в Государственной думе»; Н. Хрущёв «Воспоминания»), священники (М. Ардов «Легендарная Ордынка»; П. Флоренский «Письма семье из лагерей и тюрем»), спортсмены (Л. Яшин «Записки вратаря»; Л. Армстронг «Не только о велоспорте: Моё возвращение к жизни»; В. Колосков «В игре и вне игры. Воспоминания о жизни, событиях, людях»), музыканты (Ю. Башмет «Вокзал мечты»; Я. Миллер «Шеренга великих композиторов») и простые обыватели («Записки купца П.И. Рычкова, «Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1768 по 1794 год» (Т.П. Калашников — копиист Нерчинской воеводской канцелярии), «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (А.Т. Болотов — тульский помещик средней руки)). Чем ближе к современности, тем легче найти человека, претендующего на место в историческом каталоге и запечатлевшего свою жизнь «для потомков» в той или иной форме мемуарной литературы.

Что подталкивает людей к фиксации работы души и публичному самопознанию? Что заставляет их поверять свои сокровенные мысли

массовой аудитории? Авторами дневников, писем, исповедей руководит жажда самопознания, потребность пофилософствовать о «вечных проблемах», желание осмыслить собственную судьбу, разобраться в многообразии смысложизненных категорий, определить своё место в мире? Или — нечто большее?

Мемуары — это исповедь человека, жившего и творившего в определённую эпоху, и стремящегося поделиться личным опытом с идущим ему навстречу новым поколением. Говоря образно, мемуары — это всегда встреча в пути и своеобразная «проверка на дорогах». Отсюда — познавательная, учительская роль мемуаров.

«Вся моя жизнь, — отмечал в своих дневниковых записях Э. Казакевич, — казалась мне грёзой, вся она проходила в некоем тумане... Я ощущал всё окружающее, как жгуче-любопытную, вязкую, не совсем реальную среду, в которой временно действую и мыслю... Мне казалось... что вскоре я прорву эту родильную плевру, и всё станет подлинным. Что вся прожитая жизнь — черновик, набросок к чему-то высокому, совершенному и уже взаправдашнему. Теперь же, когда выяснилось, что — черновик это уже не черновик, — но это и есть всё, ты начинаешь с пристальным интересом изучать это всё — не потому, что ты оцениваешь, смиряясь, свою жизнь выше, чем раньше, а потому, что она — единственная.

В этом цель этих записок — изучение, осмысление собственной, плохо изученной ранее, жизни» [5, 184].

Приостановить бег времени, ещё раз пережить самые яркие события в своей жизни, рассказать о них и о себе современникам и потомкам — вот кредо автора, приступающего к написанию мемуаров, воспоминаний, литературных портретов.

Мемуары вызываются к жизни не столько внешними, прагматичными целями, сколько потребностью разобраться в самом себе через высказанное слово. Вот почему именно в мемуарах наиболее отчётливо воплощается «изображение души».

Осознание автором ценности любой человеческой жизни, превращение её в некий объект познания — тот мотив, который толкает многих людей к написанию мемуаров. А поэтому эпоху, историческое время они стремятся показать чрез личность, через человека, через субъективное время. Это позволяет понять не только прошлое, но и настоящее и наметить пути к будущему. Мемуарам свойственна латентная дидактичность.

Факты, события, явления, люди из прошлого мемуариста всплывают в его памяти целенаправленно. Цепочка образных ассоциаций трансформируется в логическую систему, служит для реализации какой-то определённой мысли,

достижения определённой цели. Прошлое предстаёт перед читателями не только как подлинная реальность, но и как реальность, осмысленная с определённых позиций.

Специфическая черта произведений мемуарного жанра заключается в том, что они «представляют собой результат взаимодействия двух путей смысловой концентрации жизненного материала: естественного, определяемого временем, его движением, сменой точек зрения на окружающее, и литературного, определяемого художественной позицией автора, его творческими возможностями, отношением к людям, к истории, к духовным ценностям» [5, 151]. Мемуарный жанр возникает именно на пересечении этих двух путей.

Какие же содержательные и структурно-организующие, общие и специфические жанрообразующие факторы позволяют нам считать мемуары самостоятельным публицистическим жанром?

Мемуары по своей природе ретроспективны. Но эта ретроспективность автобиографична. Мемуарист в своих воспоминаниях ограничивается пределами собственной жизни. Но при этом он пишет о тех событиях, людях, явлениях, которые остались не только в его памяти, но и — косвенно затрагивает судьбы других людей. Это придаёт мемуарному повествованию необходимый объём, создаёт пространство рассказывания.

Между готовым мемуарным произведением и воссоздаваемыми в нём событиями всегда лежит временной промежуток. Он может быть совершенно незначительным в дневниках, письмах, путевых заметках, а может достигать нескольких десятилетий в собственно мемуарах, автобиографиях, литературных портретах, очерках, воспоминаниях.

Если временной аспект положить в основу классификации, то весь массив текстов мемуарной литературы можно разделить на две группы:

- «непосредственные» (путевые записки, дневники, письма), в которых очень мощно ощущается репортажность;
- «опосредованные» (воспоминания, автобиографии, исповеди, портреты современников), главное достоинство которых очерковость.

«Непосредственные» мемуары создаются на основе первых впечатлений, воспроизводят формально стихийное течение событий (путевые заметки Афанасия Никитина, письма Бориса Зайцева к Ивану и Вере Буниным, дневник Анны Франк). Подобные тексты — это дискретно-разрозненные записи, порой содержащие погрешности в области стиля или логики, не имеющие должной художественной обработки. Но при этом они достаточно эмоциональны, ярки в содержательном плане и обладают высокой степенью достоверности, поскольку созданы по горячим

следам. Что вызывает повышенный интерес аудитории. «Коэффициент подлинности» в таких текстах высок.

В письме к Ивану Бунину от 9 октября 1914 года Борис Зайцев, объясняя долгое со своей стороны отсутствие вестей, пишет: «Это потому происходит, что я живу так: читаю мало, много сплю». Но буквально в следующем абзаце этого же письма он сообщает: «Читаю, к сожалению, много газет, ничего не поделаешь, это яд какой-то, нельзя оторваться» [6].

Важную роль в «непосредственных» мемуарах подчас играют такие мелочи, которые спустя время могут показаться автору неважными, несущественными. В дальнейших редакциях своих воспоминаний мемуарист может их даже опустить. Но именно из этих мелочей складывается подлинный образ времени. Тот же Борис Зайцев писал: «Перечитывая некоторые свои письма, нахожу в них много лишних слов, надо бы перебеливать, тогда выйдет прочнее» [7].

Часто «непосредственные» мемуары служат исходным материалом при дальнейшей работе над опосредованными текстами мемуарной литературы.

«Опосредованные мемуары» осмысливают прошлое с позиций новой эпохи («Далёкое» Бориса Зайцева, «Воспоминания» Викентия Вересаева, «Воспоминания и размышления» Георгия Жукова). Подобные тексты, как правило, сюжетно и композиционно выстроены, литературно обработаны, отредактированы, продуманы, но непосредственность и острота восприятия в них не снижается. Поскольку воссоздают они мысли и настроения не только того, «прежнего» мира, о котором идет речь в тексте, а «обновлённого» автора, глядящего на историю с высот нынешнего времени.

Субъективность — неотъемлемая черта мемуарного жанра. Механизм её реализации укрепляется тем, что все тексты подобного рода строятся на основе индивидуального восприятия. Любые мемуары — это отношение автора к описываемым людям, событиям, эпохе. Мемуарист не просто отражает действительность, а обязательно что-то в ней уясняет, что-то переосмысливает и переоценивает.

Так уж устроен человек, что ему свойственна забывчивость, непреднамеренные ошибки, оговорки, неточности. А иногда — желаемое выдается за действительное. Мемуарист не может быть не субъективным. Абсолютно «нейтральных» мемуаров не бывает. Что позволяет говорить об их публицистической природе.

Однако субъективность мемуаров не должна превращаться в субъективизм. Одно дело — подбор, интерпретация и оценка фактов сквозь

призму собственной памяти. Другое дело — осознанное искажение действительности, что, увы, тоже встречается в мемуаристике. И всё-таки в основе мемуарной литературы лежит установка на достоверность.

Предметом мемуаристики являются отдельные фрагменты далёкого или близкого прошлого. Воспоминания максимально ориентированы на воссоздание исторически конкретной, реально бывшей действительности, проступающей в тексте через определённый набор лиц, событий, явлений.

Мемуары — достоверны. Субъективность достоверности не противоречит. Ибо достоверен сам факт существования мемуариста, воспоминания которого являются документом времени при очевидной субъективности воспроизведения реальности.

Показательно в этом отношении написанное им самим жизнеописание тульского помещика средней руки Андрея Болотова. К его воспоминаниям вполне применимо определение «энциклопедия частной жизни», которое им давали многие исследователи этого произведения.

Интерес повествователя сосредоточен именно на частной стороне бытия. Вспоминая годы армейской службы, мемуарист приводит в тексте не описания войсковых операций или настроений, царивших в среде молодых офицеров, а повседневные детали, рутинные обязанности флигель-адъютанта генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, в чине которого состоял. С предельной тщательностью описывает, например, новый офицерский мундир: «Он был белый, с зелёным воротником, лацканами и обшлагами, с палевым камзолом и нижним платьем. Пуговицы же, нашивки и аксельбанты, которыми он был украшен, были серебряными, а потому стоит он немалых денег, и со всем прибором, действительно, более ста рублей» [8, 417-418].

Ранее, с не меньшим описанием деталей, сокрушается о поспешной, с его точки зрения, продаже отцовских часов: «Но ни которой вещи так мне не жаль, как настольных часов, бывших у отца моего. Они были особого устройства, очень невелики и уютны и представляли собой небольшой продолговатый пьедестал, наверху которого лежал бронзовый и вызолоченный мопсик, чамкающий (так!) при всяком ударе часов и представляющий весьма хорошую и смешную фигуру. Вещица сия была такова, что мне и ныне её жаль, и тем паче, что мне подобной уже нигде с того времени видеть не случилось» [8, 61].

Такой скрупулёзный документализм болотовских воспоминаний — свидетельство того, что мемуаристы интуитивно ощущают себя художниками-бытописателями. А.Т. Болотов благодаря последовательно воспроизводимым событиям и

подробностям стремится утвердить достоверность собственного письма и — самое главное — своё право на высказывание.

В болотовских воспоминаниях мы видим, что событие превращается в со-бытие. Благодаря тщательной детализации, к которой прибегает автор, и современники, и потомки без труда узнают в воспоминаниях себя, время, эпоху. Это один из жанрообразующих признаков мемуаристики. В произведениях подобного толка исторические события, само время всегда показываются через личные судьбы: самого автора или тех, о ком он вспоминает.

Фактологичность — неотъемлемая черта мемуарного жанра. Сюжетообразующей силой мемуаров являются запечатлённые авторской памятью факты реальной действительности. Они довлеют над вымыслом, который, проявляясь в различной степени обобщениях, типизации, психологическом проникновении в душевный мир героев, невольных умолчаниях и домысливании отдельных эпизодов, не является осознанной авторской установкой. В этом мемуаристика сближается с исторической беллетристикой или автобиографической прозой.

Работая на уровне личного фактического материала, мемуарист выступает в роли историка. Постепенно из незначительных, на первый взгляд, деталей, мелочей, «безделок» [9], как их называет сам Андрей Болотов, он выстраивает предельно целостную, пусть и субъективную картину прошлого.

Историчность — одно из существенных свойств мемуаристики. Однако историчность особенная, персонифицированная. Ход времени в мемуарах отражается через жизненные истории конкретных людей. Для воспоминателей человек — не просто точка на исторической системе координат, а целый мир, который с ним рождается и с ним умирает. «Под всякой могильной плитой лежит всемирная история», — утверждал Гейне [10].

Интерес, проявляемый авторами мемуаров к другим участникам воспроизводимых событий, закономерен. Отражаясь в судьбе каждого человека, история, собственно, из этих судеб и складывается. Носителем определённого, исторически обусловленного начала, выступает и сам автор мемуаров.

Обилие портретных характеристик и углубленный психологический анализ позволяют мемуаристам создать в пределах текста максимально широкую панораму описываемого времени.

Тщательный отбор жизненного материала приводит к концентрации в мемуаристике таких фактов, лиц, событий, идей, которые составляют квинтэссенцию описываемого времени, то есть несут сущностный потенциал. В итоге за образами

возникает коллективный портрет, за деталями — целое, за намеками — тенденция.

Мемуары — это всегда свидетельства людей о себе и своём времени, голос самой, обозримой в масштабах одной человеческой жизни или жизни людей целого поколения, исторической реальности. Это способ самопознания не только человека, но и целого поколения, эпохи.

Мемуары — произведение многоуровневое. Та или иная степень организации материала свойственна любому публицистическому жанру. Мемуары не исключение. Дневники, путевые записки, письма, воспоминания, мемуарные портреты всегда имеют свою структуру, свой хронотоп. События в мемуарах выстраиваются таким образом, каким они виделись, запомнились, переживались автором тогда. Хронотоп воспоминаний по-своему индивидуален, неповторим, так как всегда связан с фактами авторской биографии, которыми он оперирует.

В мемуарах автобиографическое время соотносится с событийным, историческим временем. Мемуары, несмотря на присущую им фрагментарность, непоследовательность изложения, едины по историческому содержанию, компактны и органичны по своей форме.

В поле зрения мемуариста попадают самые разные фрагменты действительности, и в ткань воспоминаний свободно вводится всё, что может стать интересным для современников или потомков. Для мемуариста в принципе нет запретных тем, незначимых объектов описания.

События в мемуарах (как их вспоминает автор и как они воспринимаются читателями) распадаются на события объективного и субъективного порядка, на существенные и несущественные с позиций разных людей, имеющие сугубо личный или, наоборот, общественный характер.

Мемуары — это взгляд в прошлое, с позиций настоящего и с мыслями о будущем. Интерпретируя авторскую интонацию, факты, детали и в целом композицию воспоминаний, аудитории открываются как минимум три круга знаний и представлений:

- ментальные силуэты реально действовавших людей и социальный, политический, культурный фон описываемой эпохи, с ее житейскими ситуациями, полемикой, злобой дня;
- современная действительность и сама аудитория. Работая над воспоминаниями, многие авторы отчётливо представляют своего читателя (современника или потомка);
- личность мемуариста, его интересы, страсти, политические взгляды, эмоциональная направленность, мировоззренческие ориентиры, особенности его подсознания, в общем, тип его менталитета.

Юрий Нагибин, называл свой дневник «жалоной книгой» и признавался, что «только тогда начал давать себе отчёт в своих поступках», когда стал доверять их бумаге. «Я писал не по взятой на себя обязанности, а по эмоциональному велению. Мои записи — это порыв к отдушине. Я хватался за свою тетрадь, когда чувствовал, что мне не хватает воздуха, и, чтобы не задохнуться, выплёскивал переживание на страницы, которые, кроме меня, в чём я был уверен, никто не увидит. И вовсе не от преувеличенного представления о собственной личности, а наоборот — от горестного сознания её несовершенства, дурности, несоответствия тому образцу, который носишь в душе», — говорит Нагибин [2, 4].

Мемуары — это имиджевый текст. Работая над той или иной формой воспоминаний, автор прямо или косвенно презентует себя аудитории, создаёт в её сознании не только образы героев, но и свой собственный. Формирование имиджа ведётся мемуаристом с чётко определённых позиций.

Выступая своеобразным центром произведения, он фокусирует события вокруг себя, выражает свою точку зрения на происходящее. И — самое главное — раскрывает себя, как личность, осознающую ход исторического процесса, своё место в нём, раскрывающую подлинное значение фиксируемых фактов и событий, воссоздаваемых образов исторических лиц и времени. Высокая степень отражения в тексте личности автора, его целей, намерений, интенций — основополагающая черта мемуарной литературы.

Мемуарист, будучи главным действующим лицом повествования, превращает событие в со-бытие. Способность мемуариста к подобному переводу, на наш взгляд, одно из тех сущностных начал, которое роднит мемуары с другими публицистическими жанрами и отличает от документальной и художественной литературы.

Мемуарист всегда движется внутрь самого себя. Антропоцентризм в мемуарах носит подчёркнуто демонстративный характер, перерастая в квазиантропоцентризм. Важно не само событие, а роль мемуариста в нём. Действительность в мемуарах соотносится с личным авторским восприятием. Мемуарист рассказывает не только о том, что он видел, чему был свидетелем, но и о том, что он чувствовал в тот или иной момент своей жизни.

Работая с автобиографическими данными, мемуарист личные встречи, индивидуальные чувства переводит в разряд всеобщих. Фигура повествователя подчиняет себе весь фактический материал. Авторское «Я» в произведениях подобного типа выступает как действующее, участвующее в событиях лицо. От его имени ведётся повествование. Мемуары — это единство

субъективного и объективного, личного и общественного, случайного и закономерного.

С точки зрения структуры произведения мемуарист предстаёт перед читателем в двух ипостасях:

- объект изображения, один из героев воспоминаний;
- субъект, предлагающий читателю смотреть на изображаемое его глазами.

При этом активная роль авторского сознания не подрывает достоверность, правдивость повествования.

Вполне осознавая, какое существенное влияние на формирование его менталитета оказывают внешние обстоятельства: нормы и правила художественного этикета, принятая в обществе система эстетических канонов, социально-политический строй, одновременно в двух качествах мемуарист выступает и на содержательном уровне:

- личность со своим сугубо индивидуальным видением мира, стремящаяся запечатлеть свой опыт, поделиться собственными впечатлениями и размышлениями;
- органическая часть той группы людей, о которых он пишет, чьи интересы и культурные традиции разделяет.

От того, что за человек выступает автором воспоминаний, зависят художественная форма, стиль, язык, манера повествования. Мемуарист — это всегда мыслитель, носитель определённого взгляда на мир; это всегда художник, стремящийся воссоздать достоверную и яркую картину мира; это всегда публицист, участвующий в формировании общественного мнения.

Мемуары — это всегда демонстрация авторского самосознания и уровня авторского познания мира. Центральная категория любого мемуарного текста — авторское «Я». Устойчивое представление мемуариста о самом себе, о своём физическом, психологическом, интеллектуальном, эмоциональном состоянии, о своих взаимоотношениях с героями, о своём месте в мире и в тексте воспоминаний.

Степень стремления автора к самосознанию — ключевой жанрообразующий признак мемуаристики. Любое отступление от этого принципа, отклонение в ту или иную сторону ведёт к размыванию жанровых границ, к смыканию мемуаров с другими художественно-публицистическими жанрами, к переходу в иные литературные формы. Так, незначительное снижение организующей роли авторского «Я» по отношению к материалу, желание автора изобразить на первом плане других людей, события и явления, участником или очевидцем которых он никогда не был, уже не позволяет говорить о том, что текст написан

в мемуарном жанре. Здесь следует вести речь о портретном или путевом очерке, зарисовке. При чрезмерном усилении организующей роли авторского «Я» возникает жанр эссе или колонки. Величина авторского «Я» — своего рода индикатор мемуарности произведения.

В зависимости от степени вовлечённости автора в описываемые события в мемуаристике выделяются следующие формы выражения авторского «Я»:

- автор — активный участник событий;
- автор — наблюдатель;
- автор — активный комментатор происходящего.

Автор — активный участник событий оживает прошлое на уровне как внешней, так и внутренней событийности, определяемой его душевным состоянием и во время воспоминаний, и во время работы над ними. Стремясь беспристрастно воспроизвести ушедшую эпоху, автор — активный участник событий рассказывает о себе, демонстрируя ту роль, которую он сыграл в событиях или в отношениях с другими героями воспоминаний.

Естественным образом на первый план в таких текстах выдвигается образ автора, под которым подразумевается уже не только реальный биографический субъект высказывания, а некий обобщённый персонаж, вбирающий в себя как индивидуально-неповторимые черты конкретной личности, так и элементы беллетризации её, связанные с воображением автора биографического.

Позиция «я в истории» достаточно чётко выражена в мемуарах Зинаиды Шаховской: «Окружающий мир менялся на глазах — я была тому свидетелем... Память сберегла картины и звуки, отражение которых отныне может явиться лишь с моей помощью. Но к памяти примешивается воображение, ведь она живописец, а не фотограф, и без воображения одинаково невозможно ни творить, ни вспоминать. Память не объективна, подвластна всему, что ее питает: мозгу, зрению и слуху, может быть, душе. Итак, мне нечего предложить людям, кроме собственного моего сегодняшнего взгляда на мир...» [11].

Представая в мемуарном тексте в роли наблюдателя, автор повествует о ситуациях, явлениях, событиях, которые он непосредственно видел, но не участвовал в них сам. На первый план в произведениях подобного рода выходит образ героя. Мемуарист старается остаться «за кадром», но не исчезает вовсе. Всматриваясь в прошлое, он только ретранслирует вереницу деталей, лиц, которые самостоятельно выступают на свет сквозь ограниченность и субъективность человеческой памяти. «Пишу я эти строки с одним только желанием: сказать о Бунине правду, ту, которую я видел

и знал, не добавляя ничего от себя, не позволяя себе оценки, положительной или отрицательной. Ни чьи возражения, никакие домыслы не убедят меня, что правда могла иногда оказаться и другой», — пишет Георгий Адамович [12].

Автор — активный комментатор происходящего воспроизводит те эпизоды, которые он лично не наблюдал или наблюдал частично. Отправной точкой для авторских размышлений становятся не собственные воспоминания, а свидетельства очевидцев. Степень достоверности таких мемуаров снижена, но значимость или экстраординарность происходящего столь велика, что они имеют право на место в общественной памяти. Автор — активный комментатор, избирая такую стратегию повествования, усиливает сюжетную составляющую.

В большинстве воспоминаний эти формы выражения авторского «Я» сосуществуют и взаимодействуют. Границы между ними подвижны, переменчивы, размыты. Мемуарист на протяжении одного текста свободно манипулирует своими образами, меняет стратегию, манеру, принципы повествования.

Лидия Чуковская в своих воспоминаниях «Памяти детства» выступает и как активный участник событий и как комментатор. Она признаётся: «Я помню себя — обрывочно — с 1910 года, то есть с трёхлетнего возраста; что может помнить ребёнок от трёх до десяти? Немного; не по порядку; неясно... <...>. Разбуженная, моя память оказывается на удивление инфантильной» [13, 240]. Поэтому, вспоминая своего отца, писателя Корнея Чуковского, мемуаристка не только описывает их куоккальские игры и то, как Корней Иванович вместе с ними «весело скакал на одной ноге, строил из песка крепости, швырял камни — кто дальше?» [13, 300], но и даёт слово самому писателю, приводя записи из его дневника: «С тех пор как я познакомился с этими детьми... для меня как-то затуманились все взрослые. Странно, что отдыхать я могу только в среде детей» [13, 301]. Такой приём позволяет мемуаристке более наглядно показать ту роль, которую они дети играли в жизни Корнея Чуковского. Очевидно, дружба с детьми давала Чуковскому не только материал для наблюдений, но и излечивала от тоски, избавляла от усталости и тревоги, возрождала к жизни.

Кроме того, автор воспоминаний предстаёт в мемуарах сразу в нескольких временах:

- прошедшем (время описываемых событий);
- настоящем (время письма).

Налицо диалог культур, диалог времен, диалог менталитетов.

Мемуары — диалогичны. Исходя из теории полифоничности литературы М. Бахтина, любое

мемуарное произведение можно представить в виде набора внутренних диалогов. Автор вступает в разговор с персонажами, с самим собой, с читателем. Гипотетический собеседник присутствует в воспоминаниях всегда.

Только в одних текстах он проступает явно и открыто: обращение к условному или номинальному адресату в письмах, к современникам – в путевых заметках. А в других текстах следует говорить о внутреннем диалоге, который автор ведёт с самим собой – в дневниках, исповедях, со своим прошлым и своими героями – в собственно воспоминаниях, мемуарах, мемуарных портретах.

Не стоит забывать и о свойственном всем текстам мемуарного жанра диалоге с другими произведениями, со своей эпохой, с будущим.

Итак, мемуары, с одной стороны – документы эпохи, т.к. любой мемуарный текст отражает взгляд конкретного субъекта истории на происходящее и вводит читателя в более или менее достоверный мир той реальности, о которой пишет мемуарист. С другой стороны, мемуары – это имиджевый текст, дающий представление о личности пишущего, в значительной степени документально отражающего внутренний мир себя самого. Но ведь человек – это тоже документ эпохи, в которую он живет.

Мемуарист всегда выступает как исследователь, воспроизводящий фрагменты реальной жизни общества, как художник, создающий образную картину того мира, о котором он пишет, как публицист, рассчитывающий на то, что его, в общем-то, субъективные, личные воспоминания могут определённым образом воздействовать на аудиторию, давая ей понимание не только прошлого, но и настоящего, и в определённой степени – будущего.

Эта трёхуровневая форма существования мемуаров даёт им возможность одновременно принадлежать истории, искусству и публицистике.

*Мажарина Ю.Н.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры истории журналистики.
e-mail: yuliya-mazharina@yandex.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов Б.Н. Паскаль / Б.Н. Тарасов. – М. : Молодая гвардия, 2006. – С. 257.
2. Нагибин Ю.М. Дневник / Ю.М. Нагибин. – М. : Книжный сад, 1996. – 704 с.
3. Тынянов Ю. Как мы пишем / Ю. Тынянов // Как мы пишем. – (<http://readr.ru/yuriy-tinyanov-kak-mi-pishem.html>).
4. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления / Б.Я. Пукшанский. – Л., 1987. – С. 19.
5. Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Историко-теоретический очерк / Л.Я. Гаранин. – Минск : Наука и техника, 1986. – 223 с.
6. Зайцев Б. Письма / Б. Зайцев // Наше наследие. – 1990. – № 3. – С. 94.
7. Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // В 11 т. – М. : Русская книга, 2001. – Т. 11 : Письма, 1923-1971 гг. : Письма. Статьи. Воспоминания современников. – С. 307.
8. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / А.Т. Болотов // Соч. : В 3 т. – М. : Терра, 1993. – Т. 1 : 1738-1759. – 528 с.
9. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / А.Т. Болотов // Соч. : В 3 т. – М. : Терра, 1993. – Т. 3 : 1771-1795. – С. 475.
10. Еремишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости / О. Еремишин. – М. : Просвещение, 2006. – С. 123.
11. Шаховская З. Таков мой век / З. Шаховская. – М., 2008. – С. 5.
12. Адамович Г. Сомнения и надежды / Г. Адамович. – М. : Олма-Пресс, 2002. – С. 122.
13. Чуковская Л. Сочинения / Л. Чуковская // Соч. : В 2 т. – М. : Гудьял-Пресс, 2000. – Т.1 : Повести; Воспоминания. – 432 с.

*Mazharina Y.N.
Voronezh State University.
The post-graduated student of Department of Journalism.*